

ЛЕС

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА

Раиса Павловна Гурмыжская, вдова, лет 50-ти с небольшим, очень богатая помещица, одевается скромно, почти в трауре; постоянно с рабочим ящичком на руке.

Аксинья Даниловна (Аксюша), ее дальняя родственница, бедная девушка лет 20-ти, одета чисто, но бедно, немного лучше горничной.

Евгений Аполлоныч Милонов, лет 45-ти, гладко причесан, одет изысканно, в розовом галстуке

Уар Кирилыч Бодаев, лет 60-ти, отставной кавалерист, седой, гладко стриженный, с большими усами и бакенбардами, в черном сюртуке, наглухо застегнутом, с крестами и медалями по-солдатски, с костылем в руке, немного глух

} богатые
соседи
Гурмыжской.

Иван Петров Восмибратов, купец, торгующий лесом.

Петр, его сын.

Алексей Сергеевич Буланов, молодой человек, недоучившийся в гимназии.

Карп, лакей Гурмыжской.

Улита, ключница.

Усадьба Гурмыжской, верстах в пяти от уездного города. Большая зала. Прямо две двери: одна выходная, другая в столовую; направо от зрителей окно и дверь в сад; налево две двери: одна во внутренние комнаты, другая в коридор. Богатая старинная мебель, трельяжи, цветы, у окна рабочий столик, налево круглый стол и несколько кресел.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп стоит у двери в сад, входит Аксюша.

Аксюша. Раиса Павловна звали меня?

Карп. Так точно-с; только теперь гости приехали, так они в саду.

Аксюша (*вынув из кармана письмо*). Послушай, Карп Савельич, не можешь ли ты?..

Карп. Что вам угодно-с?

Аксюша. ...передать. Ты уж знаешь кому.

Карп. Да как же, барышня? Теперь ведь уж словно как неловко. Правда ль, нет ли, у тетеньки такое есть желание, чтоб вам за барчонком быть.

Аксюша. Ну не надо; как хочешь. (*Отворачивается к окну.*)

Карп. Да уж пожалуйста. Для вас отчего же... (*Берет письмо.*)

Аксюша (*глядя в окно*). Продала Раиса Павловна лес?

Карп. Продали Ивану Петрову. Все продаем-с, а чего ради?

Аксюша. Не хочет, чтоб наследникам осталось; а деньги можно и чужим отдать.

Карп. Надо полагать-с. Мудрено сотворено.

Аксюша. Говорят, она эти деньги хочет за мной в приданое дать.

Карп. Дай-то Бог!

Аксюша (*очень серьезно*). Не дай Бог, Карп Савельич!

Карп. Ну как угодно-с. Я к тому, что все же лучше, пусть в приданое пойдут, чем туда же, куда и прочие.

Аксюша. Куда прочие... а куда же прочие?

Карп. Ну, это вам, барышня, и понимать-то невозможно, да и язык-то не поворотится сказать вам. Алексей Сергеич идет. (*Отходит от двери.*)

Аксюша смотрит в окно, Буланов входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аксюша, Буланов, Карп, потом Улита.

Буланов (*Карпу*). Что ж, ты набил мне папиросы?
Карп. Никак нет-с.

Буланов. Отчего же нет? Ведь я тебе велел.

Карп. Мало что велели! А когда мне?

Буланов. Нет, уж вы здесь зазнались очень. Вот что. Я вот Раисе Павловне скажу.

Карп. Не скажете; вы при них и курить-то боитесь.

Буланов. Боитесь... Чтоб были набиты! Не десять раз тебе говорить! (*Увидав Аксюшу, подходит к ней и очень развязно кладет ей на плечо руку.*)

Аксюша (*быстро обернувшись*). Что вы! С ума сошли?

Буланов (*обидясь*). Ах!! Извините! Что вы такой герцогиней смотрите, красавица вы моя?

Аксюша (*почти сквозь слезы*). За что вы меня обижаете? Я вам ничего не сделала. Что я здесь за игрушка для всех? Я такой же человек, как и вы.

Буланов (*равнодушно*). Нет, послушайте; вы в самом деле мне нравитесь.

Аксюша. Ах, да мне-то что до этого за дело! Какое вы имеете право трогать меня?

Буланов. Что вы все сердитесь, неизвестно за что? Эка важность! Уж и тронуть нельзя! Свое, да не трогать! Кто ж мне запретит?

Аксюша (*строго*). А если не ваше, если чужое? Тогда что?

Буланов. Что за капризы! Надоело. Этак вы все дело испортите.

Аксюша. Какое дело?

Буланов. Какое... Будто не знаете? Вот какое: Раисе Павловне угодно, чтоб я женился на вас. А что Раисе Павловне угодно...

Аксюша. Тому и быть?

Буланов. Разумеется. Мы с вами люди бедные... Дождаться, покуда прогонят? Нет, уж покорно благодарю. Куда мне? Опять к маменьке? Бить сорокворон за чужим двором?

Карп. Поттише, сударь! Улита идет.

Входит Улита и чего-то ищет.

Вам чего здесь?

Улита. Я, кажется, забыла...

Карп. Ничего вы не забыли, это вы напрасно. У вас есть свой лепортамент, мы к вам не ходим.

Улита уходит.

Вот так-то лучше!.. Самая проклятая женщина!

Буланов. Расчет прямой; кажется, можно понять.

Аксюша. Да я понимаю.

Буланов. Так и упрямитесь нечего. Перед кем здесь неприступность-то разыгрывать? Ведь Раиса Павловна обещает много денег дать; чего ж еще? Креститься надо обеими руками.

Аксюша. Иное можно купить за деньги, а другого нельзя.

Буланов (*презрительно улыбаясь*). Философия! (*Серьезно.*) Вы толку в деньгах не знаете, оттого так и разговариваете. Видно, нужды-то не видали? А тут впереди жизнь приятная... За деньги-то люди черту душу закладывают, а не то чтоб отказываться.

Показывается Улита.

Карп. Что вы шмыгаете взад и вперед? Не видали вас тут? Здесь комнаты чистые.

Улита. Уж и войти нельзя!

Карп. Как это вы себе покою не найдете? Мечетесь вы, как угорелая кошка. Позовут вас, тогда другое дело.

Улита уходит.

Аксюша. Насильно мил не будешь, Алексей Сергеевич.

Буланов. Ну да уж я добьюсь своего; у меня не отвертятся. Ведь вам лучше меня здесь не найти.

Аксюша (*тихо*). Ошибаетесь. Захочу поискать, так найду, а может, уж и нашла. (*Карпу.*) Если Раиса Павловна спросит, я буду в своей комнате. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Буланов и Карп.

Карп (*подходя*). Ах, барин, барин!

Буланов. А что, Карп?

Карп. Молоды вы очень.

Буланов. Знаю, что молод.

Карп. А это нехорошо.

Буланов. Что ж мне делать-то?

Карп. Это не к пользе вашей... А вы старайтесь...

Буланов. Уж как ни старайся, а вдруг лет не прибавится: я только из гимназии.

Карп. Да что гимназия! Другие и в гимназии не были, да какие ловкие.

Буланов. Да на что ловкие-то?

Карп. Да на все, а уж особливо, что мимо рук-то плывет.

Улита показывается из коридора.

Опять? Тьфу! Брысь ты, окаянная!

Улита (*скрываясь*). Обидчик!

Буланов (*задумчиво*). Да?.. Ну что ж?

Карп. То-то «да». Вы что барышню-то тревожите? Какой тут авантаж?

Буланов. Все-таки...

Карп. Осторожнее надо, сударь; недаром Улита тут ползает, перенесет сейчас. А понравится ли барыне? Еще неизвестно, куда вас Раиса Павловна определят. Они хоть и барыня, а ведь их дело женское: никак даже невозможно этого знать, что у них на уме. Вдруг одно, и сейчас другое; у них в мыслях не то что на неделе, на дню до семи перемен бывает. Вот вы говорите: жениться; а может, что другое заставят делать! Вы своей воли не имеете; привезли вас на пропитание, так как маменька у вас в бедности... А вы хотите... Уж вы и смотрите всё в глаза.

Буланов. В глаза?

Карп. Беспременно. Так всё ходите и смотрите, потому от них зависимы... А там по времени, из разговора или из чего и можете понять... Барыня идут. *(Уходит.)*

Буланов поправляет волосы и покручивает усики.

Входят Гурмыжская, Милонов и Бодаев.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Буланов.

Гурмыжская. Я вам говорила, господа, и опять повторяю: меня никто не понимает, решительно никто. Понимает меня только наш губернатор да отец Григорий...

Милонов. И я, Раиса Павловна.

Гурмыжская. Может быть.

Милонов. Раиса Павловна, поверьте мне, все высокое и все прекрасное...

Гурмыжская. Верю, охотно верю. Садитесь, господа!

Бодаев (*откашливаясь*). Надоели.

Гурмыжская. Что вы?

Бодаев (*грубо*). Ничего. (*Садится поодаль.*)

Гурмыжская (*заметив Буланова*). Алексис, Алексис! Вы мечтаете? Господа, представляю вам молодого дворянина Алексея Сергеича Буланова.

Буланов раскланивается.

Судьба его очень интересна, я вам сейчас расскажу. Алексис, погуляйте в саду, мой друг.

Буланов уходит. Гурмыжская и Милонов садятся у стола.

Милонов. Ваш родственник, вероятно?

Гурмыжская. Нет, не родственник. Но разве одни родственники имеют право на наше сострадание? Все люди нам ближние. Господа, разве я для себя живу? Все, что я имею, все мои деньги принадлежат бедным;

Бодаев прислушивается.

я только конторщица у своих денег, а хозяин им всякий бедный, всякий несчастный.

Бодаев. Я не заплачу ни одной копейки, пока жив; пускай описывают имение.

Гурмыжская. Кому не заплатите?

Бодаев. На земство, я говорю.

Милонов. Ах, Уар Кирилыч, не о земстве речь.

Бодаев. Никакой пользы, один грабеж.

Гурмыжская (*громко*). Подвиньтесь поближе, вы нас не слышите.

Бодаев. Да, не слышу. (*Садится к столу.*)

Гурмыжская. Этот молодой человек, господа, сын одной моей приятельницы. Я встретила с ней в прошлом году в Петербурге. Прежде, давно уж, мы жили с ней совершенно как сестры; но потом разо-

шлись: я овдовела, а она вышла замуж. Я ей не советовала; испытавши сама, я получила отвращение к супружеству.

Бодаев. К супружеству, но не к мужчинам?

Гурмыжская. Уар Кирилыч!

Бодаев. Да я почем же знаю; я только спрашиваю. Ведь разные бывают характеры.

Гурмыжская (*шутя*). И к мужчинам, особенно таким, как вы.

Бодаев (*привстает, опираясь на костыль, и кланяется*). Премного вам за это благодарен.

Милонов. Раиса Павловна строгостью своей жизни украшает всю нашу губернию; наша нравственная атмосфера, если можно так сказать, благоухает ее добродетелями.

Бодаев. Лет шесть тому назад, когда слух прошел, что вы приедете жить в усадьбу, все мы здесь перепугались вашей добродетели: жены стали мириться с мужьями, дети с родителями; во многих домах даже стали тише разговаривать.

Гурмыжская. Шутите, шутите. А вы думаете, мне без борьбы досталось это уважение? Но мы удаляемся от нашего разговора. Когда мы встретились в Петербурге, моя подруга уж давно овдовела и, разумеется, глубоко раскаивалась, что не послушалась моих советов. Она со слезами представила мне своего единственного сына. Мальчик, как вы видите, на возраст.

Бодаев. В солдаты годится.

Гурмыжская. Вы не судите по наружности. Он, бедный, слаб здоровьем, и, представьте себе, какое несчастье! Он поэтому отстал от своих товарищей, так что все еще был в гимназии, и, кажется, даже еще в средних классах. У него уж и усики, и мысли совсем другие, и дамы стали им интересоваться; а он должен с мальчиками, шалунами, ходить в школу. Это унижа-

ло его, он скучал, удалялся от людей, бродил один по глухим улицам.

Бодаев. Не по Невскому ли?

Гурмыжская. Он страдал, страдала и мать; но средств помочь горю у ней не было. Имение совершенно разорено, сын должен учиться, чтоб кормить мать; а учиться прошло и время, и охота. Ну, теперь, господа, судите меня, как хотите. Я решилась сделать три добрых дела разом.

Бодаев. Три? Любопытно.

Гурмыжская. Успокоить мать, дать средства сыну и пристроить свою племянницу.

Бодаев. Действительно, три.

Гурмыжская. Я выписала сюда на лето молодого человека; пусть они познакомятся; потом женю их и дам за племянницей хорошее приданое. Ну, теперь, господа, я покойна, вы знаете мои намерения. Хоть я и выше подозрений, но, если б нашлись злые языки, вы можете объяснить, в чем дело.

Милонов. Все высокое и все прекрасное найдет себе оценку, Раиса Павловна. Кто же смеет...

Бодаев. Ну, отчего же не смеет? Никому не закажешь; на это цензуры нет.

Гурмыжская. Впрочем, я мало забочусь об общественном мнении; я делаю добро и буду делать, а там пусть говорят что хотят. В последнее время, господа, меня томит какое-то страшное предчувствие, мысль о близкой смерти ни на минуту не покидает меня. Господа, я умру скоро, я даже желаю, желаю умереть.

Милонов. Что вы! Что вы! Живите! Живите!

Гурмыжская. Нет, нет, и не просите.

Милонов. Ведь это будут слезы, горькие слезы.

Гурмыжская. Нет, господа, если я не нынче умру, не завтра, во всяком случае скоро. Я должна исполнить долг свой относительно наследников. Господа, помогите мне советом.

Милонов. Прекрасно, прекрасно.

Гурмыжская. У меня близких родных только племянник моего мужа. Племянницу я надеюсь пристроить при жизни. Племянника я не видала пятнадцать лет и не имею о нем никаких известий; но он жив, я знаю. Я надеюсь, что ничто не препятствует мне назначить его своим единственным наследником.

Милонов. Полагаю.

Бодаев. Да о чем и толковать?

Гурмыжская. Благодарю вас. Я так и сама думала. Он меня не забывает, каждый год присылает мне подарки, но писем не пишет. Где он — неизвестно, и я не могу писать к нему; а я еще ему должна. Один должник его отца принес мне старый долг; сумма хотя небольшая, но она тяготит меня. Он точно скрывается от меня; все подарки я получила из разных концов России: то из Архангельска, то из Астрахани, то из Кишинева, то из Иркутска.

Милонов. Какое же его занятие?

Гурмыжская. Не знаю. Я его готовила в военную службу. После смерти отца он остался мальчиком пятнадцати лет, почти без всякого состояния. Хотя я сама была молода, но имела твердые понятия о жизни и воспитывала его по своей методе. Я предпочитаю воспитание суровое, простое, что называется, на медные деньги; не по скупости, нет, а по принципу. Я уверена, что простые люди, неученые, живут счастливее.

Бодаев. Напрасно! На медные деньги ничего хорошего не купишь, а тем более счастья.

Гурмыжская. Но ведь он не жалуется на свое воспитание, он даже благодарит меня. Я, господа, не против образования, но и не за него. Развращение нравов на двух концах: в невежестве и в излишестве образования; добрые нравы посередине.

Милонов. Прекрасно, прекрасно.

Гурмыжская. Я хотела, чтоб этот мальчик сам прошел суровую школу жизни; я приготовила его в юнкера и предоставила его собственным средствам.

Бодаев. Оно покойнее.

Гурмыжская. Я иногда посылала ему денег, но, признаюсь вам, мало, очень мало.

Бодаев. И он стал воровать, разумеется.

Гурмыжская. Ошибаетесь. Вот посмотрите, что он писал мне. Я это письмо всегда ношу с собою. (*Вынимает письмо из коробки и подает Милонову.*) Прочитайте, Евгений Аполлоныч!

Милонов (*читает*). «Тетенька моя и благодетельница, Раиса Павловна! Сие излагаемое мною применительно к обстоятельствам моим, жизни, письмо пишу вам с огорчением при недостатках, но не с отчаянием. О, судьба, судьба! Под гнетом собственного своего необразования, пристыжаемый против товарищей, я предвижу неуспех в своей карьере к достижению».

Бодаев. До сих пор лестного немного для вас и для него.

Гурмыжская. Слушайте дальше.

Милонов. «Но не утрашусь! Передо мною слава, слава! Хотя скудное подаяние ваше подвергало меня не раз на край нищеты и погибели; но лобызаю вашу ручку. От юных лет несовершеннолетия до совершенного возраста я был в неизвестности моих предначертаний; но теперь всё передо мной открыто».

Бодаев. И вам не стыдно, что ваш племянник, дворянин, пишет, как кантонист.

Гурмыжская. Не в словах дело. По-моему, это прекрасно написано, тут я вижу чувство неиспорченное.

Входит Карп.

Карп. Иван Петров Восмибратов пришел с сыном-с.

Гурмыжская. Извините, господа, что я при вас приму мужика.

Бодаев. Только вы с ним поосторожнее, он плут большой руки.

Гурмыжская. Знаете, он такой хороший семьянин; это — великое дело.

Бодаев. Семьянин-то семьянин, а чище всякого обманет.

Гурмыжская. Не верю, не верю, не может быть.

Милонов. Мы с вами точно сговорились; я сам горячий защитник семейных людей и семейных отношений. Уар Кирилыч, когда были счастливы люди? Под кущами. Как жаль, что мы удалились от первобытной простоты, что наши отеческие отношения и отеческие меры в применении к нашим меньшим братьям прекратились! Строгость в обращении и любовь в душе, — как это гармонически изящно! Теперь между нами явился закон, явилась и холодность; прежде, говорят, был произвол, на зато была теплота. Зачем много законов? Зачем определять отношения? Пусть сердце их определяет. Пусть каждый сознаёт свой долг! Закон написан в душе людей.

Бодаев. Оно так, кабы только поменьше мошенников, а то больно много.

Гурмыжская (*Карту*). Зови поди Ивана Петрова!

Карп уходит. Входят Восмибратов и Петр.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Восмибратов,
Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович!

Восмибратов (*раскланивается и садится*). Петр, садись!

Петр садится у самой двери на край стула.

Милонов. Прикажете дочитать?

Гурмыжская. Читайте, он не помешает.

Милонов (*читает*). «Нужда, ты непостижима! Благодарю вас, благодарю. Скоро мое имя покроется бессмертием, а с ним и ваше никогда не умрет для потомства, детей и внуков... Еще раз благодарю за все, за все. Ваш покорный к услугам племянник, дитя природы, взлелеянное несчастьем, Гурмыжский».

Гурмыжская (*принимая письмо*). Благодарю вас, Евгений Аполлоныч! Вот спросим у простого человека, он правду скажет. Иван Петрович, хорошо это письмо написано?

Восмибратов. Первый сорт-с! Вот ежели бы кому прошение, уж на что лучше.

Милонов. Но ведь этому письму двенадцать лет; что же теперь с вашим племянником, с его громкой славой?

Гурмыжская. Я вам говорю, не знаю.

Бодаев. Вдруг удивит.

Гурмыжская. Как бы то ни было, я горжусь этим письмом и очень довольна, что нашла в людях благодарность. Надо сказать правду, я его очень люблю. Я вас прошу, господа, пожаловать ко мне послезавтра откусать! Вы, вероятно, не откажетесь подписаться под завещанием? Оно будет готово, я думаю; впрочем, во всяком случае, милости просим.

Бодаев. Приеду.

Милонов. Поверьте, все высокое и все прекрасное...

Гурмыжская. Конечно, если судить строго, я немного виновата перед наследником; я уж кой-что продала из имения.

Восмибратов. Да-таки, сударыня, довольно; особенно как изволили проживать в столицах.

Гурмыжская. Я очень щедро помогаю. Для ближнего мне не жаль.

Восмибратов. Так-с. А хоша бы и для себя; вы своему хозяйка, всякий человек живая тварь.

Гурмыжская. А теперь, вот уж лет семь, я живу совсем иначе.

Восмибратов. Это точно-с; слухов никаких насчет, чтобы чего... Постоянную жизнь ведете.

Гурмыжская. Ах, да я и прежде... да не об том речь. Я говорю, что живу очень экономно.

Бодаев. Извините! Не об вас речь! Вы не рассердитесь, пожалуйста! Но действительно у нас много дворянских имений вконец разорено бабами. Если мужчина мотает, все-таки в его мотовстве какой-нибудь смысл есть; а бабьей глупости меры не положено. Нужно любовнику халат подарить, она хлеб продает невовремя за бесценок; нужно любовнику ермолку с кисточкой, она лес продает, строевой, береженный, первому плуту.

Восмибратов. Это вы, ваше высокородие, действительно. Коли им, женскому сословию, в чем воля, так добра мало.

Бодаев. Ты думаешь?

Милонов (*Восмибратову*). Ах, Ваня, Ваня, как ты груб!

Восмибратов. Вопче говорится, сударь.

Милонов. Все-таки, Ваня, надо быть осторожнее, мой друг... А вот ты и ошибаешься; не от дам разорены имения, а оттого что свободы много.

Бодаев. Какой свободы? Где это?

Милонов. Ах, Уар Кирилыч, я сам за свободу; я сам против стеснительных мер... Ну, конечно, для народа, для нравственно несовершеннолетних необходимо... Но, согласитесь сами, до чего мы дойдем! Купцы банкротятся, дворяне проживаются... Согласитесь, что, наконец, необходимо будет ограничить законом расходы каждого, определить норму по сословиям, по классам, по должностям.

Бодаев. Ну, что ж, представляйте проект! Теперь время проектов, все представляют. Не удивите, не бойтесь; чай, и глупей вашего есть.

Встает, Милонов тоже. Раскланиваются. Восмибратов и Петр встают.

Гурмыжская (*проводя их*). Господа, я вас жду послезавтра.

Милонов и Бодаев уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гурмыжская, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович!

Восмибратов (*садясь*). Петр, садись!

Петр садится.

Изволили присылать, сударыня?

Гурмыжская. Да, мне очень нужно тебя видеть. Принес ты деньги?

Восмибратов. Нет, сударыня, признаться сказать, не захватил. Коли нужно, так прикажите, я завтра же занесу.

Гурмыжская. Пожалуйста. Ты водочки не хочешь ли?

Восмибратов. Увольте! Нам без благовремения... тоже... ведь люди, всё одно.

Гурмыжская. Ты уж все принеси, как у нас договор был.

Восмибратов. Слушаю-с.

Гурмыжская. Я не помню, кажется...

Восмибратов. Да уж не извольте беспокоиться.

Гурмыжская. Кажется, полторы тысячи. (*Роясь в ящике.*) Где записка? Неужели я ее выронила? Не найду никак.

Восмибратов. Поищите, сударыня, хорошенько.

Гурмыжская. Но, во всяком случае, мне этих денег мало. Не купишь ли у меня еще участок лесу?

Восмибратов. Да чтоб уж вам весь его продать. Куда вам его беречь-то!.. Ведь с лесом, сударыня, поверите ли, только грех один; крестьянишки воруют, — судись с ними. Лес подле города, всякий беглый, всякий бродяга пристанище имеет, ну, и для прислуги тоже, для женского пола... Потому как у них грибной интерес и насчет ягоды, а выходит совсем напротив.

Гурмыжская. Нет, я весь теперь не продам; что за имение без леса! Некрасиво. Может быть, со временем... а ты купи этот участок, что ближе к городу.

Восмибратов. Хошь я теперь и не при деньгах, а отчего ж не купить, коли сходно продавать будете. А я, было, признаться, к вам насчет другого товару.

Гурмыжская. Не понимаю.

Восмибратов. Сродственницу имеете, девицу, небогатую...

Гурмыжская. Так что же?

Восмибратов. Видел ее, что ли, где или здесь как встретил мой парнишка.

Петр встает.

Гурмыжская. Он?

Восмибратов. Петр-с. Парень овца, я вам скажу. По глупости его и по малодушеству и приглянулась-с. Ну, конечно, мы с ним дорогого не стоим, а если б Бог дал доброму делу быть, дали бы вы тысячки на четыре лесу на разживу ему, с нас бы и довольно. Он бы и поперился с вашей легкой руки и жить пошел.

Гурмыжская. Я очень благодарна вам; но, друзья мои, извините! У нее уже есть жених, у меня в доме живет. Может быть, в городе говорят вздор какой-нибудь, так вы знайте, что это жених.

Восмибратов (*Петру*). Слышишь ты? А ты лезешь! Только отца в дураки ставишь. Погоди ж ты у меня!

Гурмыжская. Вы не подумайте, что я гнушаюсь вами. Для нее твой сын партия даже завидная. Если у ней теперь жених дворянин, так это по особенной милости, а она совсем его не стоит.

Восмибратов. Понимаем-с.

Гурмыжская. Это дело решенное, и кончим разговор о нем. Поговорим о лесе. Купи, Иван Петрович!

Восмибратов. Не при деньгах, не при деньгах-с.

Гурмыжская. Быть не может.

Восмибратов. Обижать ценой не будете, так можно-с.

Гурмыжская. А сколько бы ты дал за него?

Восмибратов (*подумав*). Рубликов пятьсот-с вам довольно будет?

Гурмыжская. Что ты, что ты? За тот полторы, а за этот пятьсот; ведь этот больше и лучше.

Восмибратов. Точно-с. Извините! Это я так маханально, не подумавши; да и неохота с этим делом вязаться теперь. А как ваша цена?

Гурмыжская. Да по крайней мере две тысячи. Мне эту цену давали.

Восмибратов. Мой совет: отдавайте.

Гурмыжская. Да я не хотела тебя обидеть.

Восмибратов. На этом очень вами благодарны; только я вам вот что скажу: хлопот не стоит.

Гурмыжская. Иван Петрович, стыдно! Я сирота. Мое дело женское. Сироту обидеть грешно. Ты не забывай Бога-то!

Восмибратов. Нам ежели Бога забыть, Творца нашего милосердного, нам в те поры, сударыня, податься некуда. Потому самому нам без Бога нельзя; как одно, значит, у нас прибежище.

Гурмыжская. Ну то-то же. Ты сам подумай, ведь мне деньги -то на доброе дело. Девушка на возрасте, ума большого не имеет, хочется заживо пристроить. Ну что хорошего, без присмотру останется без меня; нынче народ знаешь какой! Ты сам отец, так рассудить можешь, у тебя тоже дочь, приятно ли тебе будет...

Восмибратов. Да ежели она, шельма...

Гурмыжская. Иван Петрович, что за слова! Ты знаешь, я не люблю. Ну, слушай! Только для тебя пятьсот рублей уступаю, отдаю за полторы тысячи.

Восмибратов. Барыша ничего не будет.

Гурмыжская. Ну, уж и говорить не хочу. А тебе стыдно, стыдно.

Восмибратов. Дорогонько, да уж извольте-с. (*Махнув рукой.*) Так уж, что прежде от вас пользовался.

Гурмыжская. Только мне деньги завтра же нужны.

Восмибратов. Еще почивать будете, принесем. А вы извольте приготовить записочку, чтобы завтра вам не беспокоиться, что за проданный на сруб лес в таких-то пустошах деньги сполна получили.

Гурмыжская. Значит, ты принесешь ровно три тысячи?

Восмибратов. Что следовало, то и принесем-с. На прежние деньги у вас записочка есть; а на эти ваша воля, а по мне хоть и отказаться. Слову нашему вы не верите, на всяку малость записки да расписки отбираете; так что ж вам сомневаться? Я человек неграмотный, другой раз и сам не знаю, что в записке написано. Парнишку-то замучил, все за собой вожу руку прикладывать. Прощенья просим.

Гурмыжская. Прощайте!

Восмибратов и Петр уходят. Входит Карп.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гурмыжская, Карп, потом Аксюша и Улита.

Карп. Сударыня, вы барышню спрашивать изволили, так они дожидаются.

Гурмыжская. Позови!

Карп уходит.

Хитрая и дерзкая девчонка! Никогда в ней ни благодарности, ни готовности угодить. Наказанье мне с ней.

Выходит Аксюша.

Аксюша (*потупя глаза, тихо*). Что вам угодно?

Гурмыжская. Ты, я думаю, знаешь, зачем я написала сюда Алексея Сергеича?

Аксюша. Знаю.

Гурмыжская. Ты, пожалуйста, не возмечтай слишком много о себе! Это еще только предположение. Ты можешь расчувствоваться и потом ошибиться (*со смехом*), мне тебя будет жаль.

Аксюша. Отчего же мне расчувствоваться?

Гурмыжская. Ах, боже мой! Для тебя ли это не партия? Она еще спрашивает. Но я погляжу прежде, будешь ли ты стоять. Я и сама всем говорю, что он твой жених, и другие пусть говорят; но я еще подумаю, слышишь ты, подумаю.

Входит Улита.

Аксюша. Надо будет и меня спросить.

Гурмыжская. Я знаю, когда тебя спросить; не учи меня. А теперь я хочу, чтоб все считали его твоим женихом, мне так нужно. Но сохрани тебя Бог кокетничать с ним или позволить себе какую-нибудь вольность!

Аксюша. Какую вольность? Что вы!

Гурмыжская. Ты не обижаться ли вздумала? Это очень мило! Ты знай, душа моя, я вправе думать о тебе все, что хочу. Ты девочка с улицы, ты с мальчишками на салазках каталась.

Аксюша. Не все я на салазках каталась, я с шести лет уж помогала матери день и ночь работать; а по праздникам, точно, каталась с мальчишками на салазках. Что ж, у меня игрушек и кукол не было. Но ведь я уж с десяти лет живу у вас в доме и постоянно имею перед глазами пример...

Гурмыжская. Дурные склонности укореняются с детства. Потому не сердись, моя милая, если за тобой будет самый строгий надзор. *(Со смехом.)* Он хоть твой жених, да зелен виноград.

Аксюша. Жених! Кому нужен такой жених?

Гурмыжская. Ну, это выше твоего понятия.

Аксюша. И не хорош, и не умен.

Гурмыжская. Вздор! Ты глупа, а он умен, хорош, образован. Скажите, скажите! Это ты нарочно. Ты не слепая. Тебе только хочется меня раздражить.

Аксюша. Да вам-то что же?

Гурмыжская. Как что? Это мой выбор, мой вкус. Не тебе чета, светские дамы им увлекались.

Аксюша. Чести им не делает.

Гурмыжская. Ах, ах! Она рассуждает! И почему ты знаешь, что честь, что бесчестье!

Аксюша. Я девочка с улицы, не светская дама, а не польщусь на такое сокровище.

Гурмыжская. А я тебе приказываю.

Аксюша. Я ведь не пойду за него; так к чему же эта комедия?

Гурмыжская. Комедия! Как ты смеешь? Да хоть бы и комедия; я тебя кормлю и одеваю и заставляю играть комедию. Ты не имеешь права входить в мои намерения: мне так нужно, и все тут. Он жених, ты не-

веста, — только ты будешь сидеть в своей комнате под надзором. Вот моя воля!

Аксюша (*взглянув ей в глаза*). Больше ничего?

Гурмыжская. Ничего, ступайте!

Аксюша уходит.

Нет, погоди! Были и получше тебя, да плясали по моей дудочке.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Гурмыжская и Улита.

Гурмыжская. Поди сюда!

Улита. Что, матушка-барыня, угодно?

Гурмыжская. Подойди поближе, садись, где стоишь, и слушай!

Улита (*подходит и садится на пол*). Слушаю, матушка-барыня.

Гурмыжская. Ты меня знаешь? Ты знаешь, как строго я смотрю за всем домом?

Улита. Знаю. Как мне не знать?

Гурмыжская. Я Аксюше не верю, она девчонка хитрая. Она часто встречается с Алексеем Сергеевичем; мне не хотелось бы, чтоб она с ним обращалась вольно. При мне, разумеется, она не смеет, но ведь не всегда же я с ними: они могут встретиться и в саду, и в комнатах без меня. Так я прошу, даже приказываю тебе...

Улита. Понимаю, матушка-барыня, понимаю. Пожалуйста ручку! (*Целует руку Гурмыжской.*) Уж как я вас понимаю, так это только одно удивление. Давно уж я за ними, как тень, слоняюсь, шагу без меня не ступят; где они, тут и я.

Гурмыжская (*подумав*). За то я тебя и люблю, что ты догадлива.

Улита (*с жаром*). Догадлива, матушка-барыня, догадлива. Вчера платьишко все в тлен изорвала, по кустам ползала, изожглась вся, по крапиве елозила, все подслушивала, что они промежду себя говорят.

Гурмыжская. Изорвала платье? Беда не велика, ты и вперед платья не жалеи, у меня много; я тебе, за твое худое, хорошее подарю.

Улита (*таинственно*). Вот и здесь давеча сошлись.

Гурмыжская. Что же давеча?

Улита. Да все этот дурак Карп мешал; а все-таки кой-что заметить было можно.

Гурмыжская. Что же ты заметила?

Улита. Она-то к нему очень ласкова; а он как будто так... (*делает жест рукой*) выражал, что я, дескать, не желаю.

Гурмыжская. Да?.. Не ошиблась ли ты? (*Смотрит ей в глаза.*)

Улита. И как будто так даже (*делает жест рукой*)...

Гурмыжская. Ну!

Улита. И как будто... так можно заметить, что ему не совсем-то... чтоб уж очень...

Гурмыжская. Врешь ты, мне кажется.

Улита. Нет уж, матушка-барыня, у меня глаз на это очень замечателен... И как будто у него на уме что другое...

Гурмыжская. Ну уж, что у него на уме, этого ты знать не можешь. Далек ты, кажется, заехала.

Улита. Да уж усердие-то мое...

Гурмыжская. Уж как ни велико твое усердие, а в чужом уме ты не была, значит, и болтать по пустякам нечего.

Молчание.

Улита, мы с тобой одних лет...

Улита. Матушка-барыня, я постарше буду.

Гурмыжская. Мне этого не надо, ты напрасно... И я знаю, и ты знаешь, что мы ровесницы.

Улита. Право, матушка-барыня, мне все кажется... Да что нам считать: обе мы сироты, вдовы безутешные...

Гурмыжская. Ну, ты не очень безутешная. Помнишь, что у нас с тобой было? Уж я и кротостью, и строгостью, ничто не помогало.

Улита. Да, было-то, матушка, точно было; да уж давно прошло. А вот последние лет шесть, как вы сами-то в такой тишине...

Гурмыжская. Да, я не замечаю...

Улита. Вот разрази меня!

Гурмыжская. Послушай, Улита! Скажи мне, только говори откровенно... когда случается тебе видеть красивого молодого человека... не чувствуешь ли ты чего, или не приходит ли тебе в голову, что вот приятно полюбить...

Улита. Что вы это! Старухе-то? Забыла, матушка-барыня, все забыла.

Гурмыжская. Ну, какая еще ты старуха! Нет, ты говори!

Улита. Уж коли приказываете...

Гурмыжская. Да, приказываю.

Улита. Разве, когда мечта (*нежно*)... так иногда найдет вроде как облако.

Гурмыжская (*в задумчивости*). Поди прочь, мерзкая!

Улита встает, отходит к стороне и искоса посматривает.

(*Встает и подходит к окну.*) А ведь он мальчик недурен! Он на меня сразу произвел приятное впечатление. Ах, как я еще душой молода! Мне кажется, я до семидесяти лет способна буду влюбляться... И если б не мое благоразумие... Он меня не видит... (*Делает*

ручкой.) Ах, красавчик!.. Да, твердые правила в жизни много значат. (*Оборачивается и видит Улиту.*) А ты здесь еще? Ну, пойдем; я тебе вместо одного платья два подарю.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

Петр.

Аксюша.

Терёнька, мальчик Восмибратова.

Геннадий Несчастливцев } пешие

Аркадий Счастливец } путешественники.

Лес; две неширокие дороги идут с противоположных сторон из глубины сцены и сходятся близ авансцены под углом. На углу крашеный столб, на котором, по направлению дорог, прибиты две доски с надписями, на правой: «В город Калинов», на левой: «В усадьбу Пеньки, помещицы г-жи Гурмыжской». У столба широкий, низенький пень, за столбом, в треугольнике между дорогами, по вырубке мелкий кустарник не выше человеческого роста. Вечерняя заря.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аксюша выходит из лесу с левой стороны и садится на пень; Петр выходит из лесу с правой стороны и потом мальчик.

Петр (*громко*). Терёнька!

Из лесу выходит мальчик.

Влезь на дерево там, с краю, и, значит, смотри по дороге в оба... Да ты не засни, а то кто-нибудь застрелит заместо тетерева. Слышишь?

Мальчик (*робко*). Слышу.

Петр. Как, значит, тятенька, ты в те поры так и катись с дерева турманом, и прямо сюда. (*Поворачивает его и дает ему легкий подзатыльник.*) Ну, пошел.

Мальчик отходит.

Да, пожалуйста, братец, поразвязней!

Мальчик уходит в лес.

Аксюша (*подходя к Петру*). Здравствуй, Петя!

Петр (*целуя ее*). Здравствуй; какие дела?

Аксюша. Всё те же, немножко хуже.

Петр. А мы так наслышаны, что много лучше.

Аксюша. Что ты сочиняешь!

Петр. За благородного выходите? Оно лучше-с, может, еще на разные языки знает; и то уж много превосходнее, что пальты коротенькие носит, не то что мы.

Аксюша (*зажимая ему рот*). Да полно ты, полно! Ведь знаешь, что этому не бывать, что ж прибираешь-то?

Петр. Как же, значит, не бывать, когда тетенька сами давеча...

Аксюша. Не бойся, не бойся!

Петр. Так уж ты прямо и говори, чья ты? Своя ты или чужая?

Аксюша. Своя, милый мой, своя. Да, кажется, меня и неволить не будут. Тут что-то другое.

Петр. Отвод?

Аксюша. Похоже.

Петр. А уж я давеча натерпелся. Тятенька-таки о тебе словечко закинул, а она ему напрямки: «Просватана». Так веришь ты, пока они разговаривали, меня точно кипятком шпарили. А потом тятенька два часа битых ругал; отдохнет да опять примется. Ты, говорит, меня перед барыней дураком поставил.

А к с ю ш а. Она бы рада меня с рук сбыть, да денег жаль. Что ж, отец-то твой все еще приданого ищет?

Петр. Меньше трех тысяч не мирится. «Ежели, говорит, за тебя трех тысяч не взять, не стоило, говорит, тебя и кормить. Хоть на козе, говорит, женю, да с деньгами».

А к с ю ш а. Делать нечего, трех тысяч мне взять негде. У меня-то спрашивал ты, чья я; ты-то чей? Свой ли?

Петр. Я-то чужой, про меня что говорить! Я каторжный, по рукам, по ногам скованный навеки нерушимо.

А к с ю ш а. Что ты такой грустный, неласковый?

Петр. Да чему радоваться-то? Я и то уж по лесу-то хожу, да все на деревья посматриваю, который сук покрепче. Самой-то, чай, тоже не веселей моего.

А к с ю ш а. Мне ни скучно ни весело, я уж замерла давно. А ты забудь свое горе на время-то, пока я с тобой!

Петр. Так-то так, да все радости-то мало.

А к с ю ш а. Ах ты глупый! Как же тебе не радость, какая девушка тебя любит.

Петр. Да что ж меня не любить-то? Я не мордва некрещеная. Да что вам делать-то больше, как не любить? Ваша такая обязанность.

А к с ю ш а (*сердито*). Поди ты прочь, коли так.

Петр. Нечего сердиться-то! У меня теперь засад в голове, — третий день думаю, да мозги что-то плохо поворачиваются; и так кину и этак...

А к с ю ш а (*все еще с сердцем*). Об чем это ты думаешь? Ты бы обо мне-то подумал; нужно ведь подумать-то.

Петр. О тебе-то и думаю. У меня надвое; вот одно дело: приставать к тятеньке. Нынче он, примерно, поругает, а я завтра опять за то же. Ну, завтра, будем так

говорить, хоть и прильнет, а я послезавтра опять за то же; так покудова ему не надоест ругаться. Да чтоб уж кряду, ни одного дня не пропускать. Либо он убьет меня поленом, либо сделает по-моему; по крайности развязка.

А к с ю ш а (*подумав*). А другое-то что?

П е т р. А другое дело почудней будет. У меня есть своих денег рублей триста; да ежели закинуть горсть на счастье в тятенькину конторку, так, пожалуй, что денег-то и вволю будет.

А к с ю ш а. А потом что ж?

П е т р. А потом уж «унеси ты мое горе» — сейчас мы с тобой на троечку; «ой вы милые!» Подъехали к Волге; ссь... тпру! на пароход; вниз-то бежит он ходко, по берегу-то не догонишь. Денек в Казани, другой в Самаре, третий в Саратове; жить, чего душа просит; дорогого чтоб для нас не было.

А к с ю ш а. А знакомых встретишь?

П е т р. А вот взял сейчас один глаз зажмурил, вот тебе и кривой; и не узнают. Я так тебе дня три прохожу. А то еще раз какой со мной случай, я тебе скажу. Посылал меня тятенька в Нижний за делом, да чтоб не мешкать. А в Нижнем-то нашлись приятели, заманили в Лысково съездить. Как быть? Узнают дома — беда. Вот я чужую чуйку надел, щеку подвязал, еду. На пароходе как раз тятенькин знакомый; я, знаешь, от него, не прячусь, хожу смело, он все поглядывает. Вот вижу, подходит. «Вы, говорит, откуда едете?» — «Из Мышкина», — говорю. А я там сроду и не бывал. «Что-то, говорит, лицо ваше знакомо». — «Мудреного нет», — говорю; а сам, знаешь, мимо. Подходит он ко мне в другой раз все с тем же, подходит в третий, все пытается. Взяло меня за сердце. «Мне самому, говорю, лицо ваше знакомо. Не сидели ли мы с вами вместе в остроге в Казани?» Да при всей публике-то. Так

он не знал, как откатиться от меня; ровно я его из штуцера застрелил. Встреча что!

А к с ю ш а. А проживем мы деньги, что ж потом?

Петр. Вот тут-то я недодумал еще. Либо ехать виниться, либо выбрать яр покруче, а место поглубже, да чтоб воду-то воронкой вертело, да и по-топорному, как топоры плавают. Надо подумать еще...

А к с ю ш а. Нет, уж ты, Петя, лучше первое-то попробуй.

Петр. Надоедать, стало быть?

А к с ю ш а. Да. Ну, уж там, коли... там подумаем. Ты проберись завтра к нам в сад попозднее, у нас рано ложатся.

Петр. Ладно.

Вбегает мальчик.

Что?

Мальчик. Тятенька. (*Быстро убегает.*)

Петр (*прворно*). Значит, шабаш. Бежать во все лопатки! Прощай!

Целуются и расходятся.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

С правой стороны из глубины показывается Несчастливцев. Ему лет 35, но на лицо он гораздо старше, брюнет, с большими усами. Черты резкие, глубокие и очень подвижные, следы беспокойной и невоздержанной жизни. На нем длинное и широкое парусиновое пальто, на голове серая, очень поношенная шляпа с широкими полями, сапоги русские, большие, в руках толстая, суковатая палка, за спиной небольшой чемодан, вроде ранца, на ремнях. Он, видимо, утомлен, часто останавливается, вздыхает и бросает мрачные взгляды исподлобья. В то же время с другой стороны показывается Счастливцев; ему лет за 40, лицо как будто нарумяненное, волоса на голове вроде вытертого меха, усы и эспаньолка тонкие, жидкие, рыжевато-пепель-

ного цвета, глаза быстрые, выражающие и насмешливость, и робость в одно и то же время. На нем голубой галстук, коротенький пиджак, коротенькие панталоны в обтяжку, цветные полусапожки, на голове детский картузик — все очень поношенное, на плече, на палке, повешено самое легкое люстриновое пальто и узел в цветном платке. Утомлен, переводит дух тяжело и смотрит кругом с улыбкой, не то печальной, не то веселой. Сходятся.

Несчастливцев (*мрачно*). Аркашка!

Счастливцев. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть весь тут.

Несчастливцев. Куда и откуда?

Счастливцев. Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с?

Несчастливцев. Из Керчи в Вологду. Ты пешком?

Счастливцев. На своих-с, Геннадий Демьяныч. (*Полузаискивающим, полунасмешливым тоном.*) А вы-с, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев (*густым басом*). В карете. (*Горько.*) Разве ты не видишь? Что спрашиваешь? Осел!

Счастливцев (*робко*). Нет, я так-с...

Несчастливцев. Сядем, Аркадий!

Счастливцев. Да на чем же-с?

Несчастливцев (*указывая на пень*). Я здесь, а ты где хочешь. (*Садится, снимает чемодан и кладет подле себя.*)

Счастливцев. Что это у вас за ранец-с?

Несчастливцев. Штука отличная. Сам, братец, сшил для дороги. Легко и укладисто.

Счастливцев (*садится на землю подле пня*). Хорошо, кому есть что класть. Что же у вас там-с?

Несчастливцев. Пара платья, братец, хорошего, в Полтаве еврей сшил. Тогда я в Ильинскую, после бенефиса, много платья сделал. Складная шляпа,

братец, два парика, пистолет тут у меня хороший, у черкеса в карты выиграл в Пятигорске. Замок попорчен; как-нибудь, когда в Туле буду, починить прикажу. Жаль, фрака нет; был фрак, да я его в Кишиневе на костюм Гамлета выменял.

Счастливец. Да на что же вам фрак-с?

Несчастливец. Как еще ты глуп, Аркашка, как погляжу я на тебя! Ну, приду я теперь в Кострому, в Ярославль, в Вологду, в Тверь, поступлю в группу, — должен я к губернатору явиться, к полицеймейстеру, по городу визиты сделать? Комики визитов не делают, потому что они шуты, а трагики — люди, братец. А у тебя что в узле?

Счастливец. Библиотека-с.

Несчастливец. Большая?

Счастливец. Пиес тридцать и с нотами.

Несчастливец (*басом*). Драмы есть?

Счастливец. Только две-с, а то все водевили.

Несчастливец. Зачем ты такую дрянь носишь?

Счастливец. Денег стоит-с. Бутафорские мелкие вещи есть, ордена...

Несчастливец. И все это ты стяжал?..

Счастливец. И за грех не считаю, жалованье задерживают.

Несчастливец. А платье у тебя где ж?

Счастливец. Вот, что на мне-с, а то уж давно никакого нет-с.

Несчастливец. Ну, а как же ты зимой?

Счастливец. Я, Геннадий Демьяныч, обдержался-с. В дальнюю дорогу точно трудно-с; так ведь кто на что, а голь на выдумки. Везли меня в Архангельск, так в большой ковер закатывали. Привезут на станцию, раскатают, а в повозку садиться, опять закатают.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕС. <i>Комедия в пяти действиях</i>	5
КОМИК XVII СТОЛЕТИЯ	
<i>Комедия в стихах, в трех действиях с эпилогом</i>	115
ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ	
<i>Комедия в четырех действиях</i>	210
БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ	
<i>Комедия в четырех действиях</i>	296